

АЛЕКСАНДР ГРИШИН

ПРОЕКТ «СПЕКТАКЛЬ»

Александр Гришин

**Проект "Спектакль":
Трубка из черного дерева**

«Автор»

2026

Гришин А.

Проект "Спектакль": Трубка из черного дерева / А. Гришин —
«Автор», 2026

«Проект Спектакль» — интеллектуальный детектив о тайне, в которой у каждого своя роль. Но кто придумал сценарий? И что произойдёт, когда герои решат выйти из него? Каждая новая находка приближает их к разгадке. И одновременно заставляет сомневаться в том, кто ведёт расследование, а кто незаметно направляет его ход. Блокнот Ветрова. Загадочный номерок. Записка, в которой одна буква способна изменить смысл. Ветров и Лавров пытаются связать эти детали — и постепенно замечают, что за чередой совпадений проступает чей-то замысел. Что, если в расследовании предусмотрен каждый ваш шаг?

© Гришин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПОЧТИ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ	5
ГЛАВА 1. ТРУБКА, КОТОРАЯ НЕ ДОЛЖНА БЫЛА ГОРЕТЬ	7
ГЛАВА 2. НЕ ИДТИ ДОМОЙ	12
ГЛАВА 3. ЧУЖАЯ МЫСЛЬ	19
ГЛАВА 4. СЛЕД НА ПАЛЬЦЕ	26
ГЛАВА 5. ЛАВКА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Гришин

Проект "Спектакль": Трубка из черного дерева

ПРОЛОГ. ПОЧТИ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

Человечество привыкло ждать конца света с размахом.

Его представляли огнём, сиренами, чёрными силуэтами самолётов над городами, пустыми полками магазинов и тревожными голосами людей, которым почему-то всегда поручают объявлять о катастрофе по телевидению. Ждали падения астероида, эпидемии, войны, восстания машин, вторжения из космоса — чего-нибудь настолько грандиозного, чтобы даже самый занятый человек отложил телефон, посмотрел в небо и сказал:

— Ну вот. Началось.

Но важные вещи редко начинаются красиво.

Иногда они начинаются с того, что в девять часов семнадцать минут утра человек, никогда не носивший красный шарф, покупает его в переходе метро. В девять часов двадцать две минуты другая женщина, у которой не было денег на такси, вдруг садится в машину к незнакомцу. В десять ноль три мужчина в сером костюме вместо привычного маршрута сворачивает к набережной и опаздывает на встречу, где через полчаса погибнут трое.

Все они потом объяснят свой поступок.

Первый скажет, что замёрз.

Вторая — что устала.

Третий — что почувствовал: так будет правильнее.

И никто не солжёт.

Потому что ложь — это когда человек знает правду и прячет её. А куда страшнее, когда правду прячут так глубоко, что человек искренне считает её собственной мыслью.

Сначала никто не связывал эти мелочи между собой. Люди вообще редко связывают между собой то, что не приносит денег, не требует срочно подписать документ и не мешает вечером смотреть сериал. В мире ежедневно происходят миллионы странностей. Кто-то меняет работу, кто-то бросает семью, кто-то спасает незнакомца, кто-то делает ошибку, которую будет вспоминать до смерти.

Случайность — самое удобное слово на свете. Оно короткое, успокаивающее и не требует расследования.

Первые тревожные сообщения появились в закрытых медицинских сообществах. Врачи из разных стран жаловались на пациентов с одинаковым набором симптомов: короткие провалы в памяти, чужой привкус во рту, яркие сны о пустой сцене, внезапные приступы уверенности. Люди просыпались ночью с ощущением, будто забыли сделать что-то важное. Не могли вспомнить что именно. А утром совершали поступок, которого от себя не ожидали.

Врачи спорили о стрессе, новых психоактивных веществах, вирусах, последствиях тревожности и привычке человечества превращать любую непонятную проблему в заговор. Психологи мягко объясняли пациентам, что мозг любит достраивать связи. Журналисты охотно рассказывали о массовой истерии. Эксперты по безопасности уверяли, что доказательств внешнего воздействия нет.

Доказательств действительно не было.

Были только люди.

Повар из маленького приморского города, который трижды за неделю готовил одно и то же блюдо, хотя терпеть не мог рыбу. Студент, внезапно бросивший университет и уехавший в город, где никогда не был. Пожилой коллекционер, продавший единственную вещь, оставшуюся от отца, незнакомцу с точным адресом и точной суммой в кармане. Девочка, рисовавшая в школьной тетради одинаковую маску — без лица, но с пустыми глазами.

А ещё были вещи.

Старинные часы, которые начинали идти после сорока лет молчания. Медальоны без клейма. Картины, на которых проступал новый слой краски. Музыкальные шкатулки, игравшие мелодию, которой не существовало ни в одном каталоге. Книги с вырванными страницами — и люди, которые помнили текст этих страниц так, словно читали его накануне.

Такие вещи не рекламировали. Их не продавали на больших аукционах. Они переходили из рук в руки тихо: через наследства, ломбарды, блошинные рынки, закрытые коллекции, благотворительные распродажи, антикварные лавки в старых переулках.

Кто-то называл их реквизитом.

Это слово впервые всплыло на одном из форумов, где люди обменивались историями о необъяснимых совпадениях. Его написал пользователь без имени и аватара. Под длинным рассказом женщины, уверявшей, что её муж после покупки старой трости перестал узнавать собственный дом, он оставил единственную фразу:

«Не ищите болезнь. Ищите спектакль».

Сообщение удалили через три минуты.

Скриншот успели сохранить девять человек.

Через полгода восемь из них перестали выходить на связь.

Девятый решил, что это просто совпадение.

И, возможно, был прав.

Потому что мир не меняется в ту минуту, когда кто-то запускает механизм. Мир меняется тогда, когда человек впервые замечает, что механизм уже работает, — и понимает, что сам оказался внутри него.

В дождливый ноябрьский вечер независимый эксперт по антиквариату Алексей Ветров зашёл в лавку без вывески.

Он хотел переждать ливень.

А нашёл трубку, которая не должна была гореть.

ГЛАВА 1. ТРУБКА, КОТОРАЯ НЕ ДОЛЖНА БЫЛА ГОРЕТЬ

Трубка загорелась прежде, чем Алексей Ветров успел решить, хочет ли он курить.

Он держал её двумя пальцами — осторожно, как держат вещь, чью цену ещё не назвали, — и смотрел на тёмную чашу под жёлтым светом витрины. Дерево было старое, почти чёрное, с тонкими прожилками, похожими на высохшие русла рек. Янтарный мундштук потемнел от времени и чужих губ. На боку, у самого основания, угадывался знак: корона, две переплетённые змеи и маленькая театральная маска.

В лавке пахло пылью, воском и мокрой шерстью. За окном моросил ноябрьский дождь, превращая переулок в тусклую акварель: серые машины, чёрные зонты, жёлтые прямоугольники окон напротив. Колокольчик над дверью давно уже не звенел. Хозяин лавки, сухой старик в жилете поверх рубашки, сидел за конторкой и листал газету, будто Алексей пришёл не трогать музейную редкость, а выбирать пуговицы.

— Красивая вещь, — сказал Алексей.

— Вещи не бывают красивыми, Алексей Сергеевич, — не поднимая глаз, ответил старик. — Бывают честными. Или хорошо отреставрированными.

Алексей усмехнулся. Эта фраза была почти профессиональным вызовом.

— И которая из двух передо мной?

Старик наконец посмотрел на него. Глаза у него оказались бледные, водянистые и слишком внимательные.

— А вот это вам и предстоит выяснить.

— Мне?

— Вы же эксперт.

— Я эксперт по вещам. Не по загадкам.

— Это одно и то же, если вещь достаточно старая.

Алексей не ответил. Он наклонил трубку к свету. На внутренней стенке чаши не было нагара. Ни следа табака. Ни запаха. Любитель, увидев такую трубку, решил бы, что её тщательно чистили. Алексей видел другое: древесина на кромке была выжжена изнутри. Не сильно, но ровно, будто огонь работал здесь недавно и очень аккуратно.

— Откуда она? — спросил он.

— Из дома, которого уже нет.

— Это не происхождение.

— Для многих вещей — вполне.

Алексей поднял трубку к губам. Он не собирался курить. Курить он бросил четыре года назад, в тот месяц, когда научился понимать, что утренний звонок может разделить жизнь на «до» и «после». Просто хотел почувствовать запах дерева, проверить, не скрывает ли янтарь постороннюю пропитку.

Он втянул воздух.

В чаше сухо щёлкнуло.

Алексей замер.

Из трубки поднялась тонкая струйка дыма.

Она была не сизой и не серой — почти бесцветной, с голубоватым отсветом, как дыхание на морозе. Запаха табака не было. Вместо него в рот хлынула сладковатая горечь металла, сырого подвала и чего-то ещё, знакомого до тошноты. Так пахнет вода в старых больничных батареях, когда осенью впервые включают отопление.

Он отдёргнул трубку, но успел вдохнуть.

— Что это? — спросил он слишком громко.

Старик не шелохнулся.

— А вы как думаете?

— Я думаю, у вас в витрине лежит вещь, которая загорается без табака.

— Вещи редко делают то, чего от них не ждут. Обычно мы просто плохо понимаем, чего от них хотят.

— Я серьёзно.

— И я.

Алексей перевернул трубку. Пепел не высыпался. На дне чаши лежали маленькие овальные крупинки — с десяток, не больше. Они были полупрозрачными, разного цвета: молочно-жёлтые, синие, бледно-розовые, одна — зелёная, как стекло старой бутылки.

Он подумал, что это бусины. Потом одна крупинка дрогнула.

Вторая повторила движение.

По дну трубки прошла медленная волна.

Алексей почувствовал, как холод поднимается от живота к горлу. Он видел повреждённое дерево, видел жуков-древоточцев, личинки моли в старых обивках, грибок, который за одну зиму съедал книжный переплёт. Он привык к тому, что у вещей есть тайная жизнь. Но эти создания не должны были жить в горячем пепле.

Они двигались вместе. Не торопясь. Ровно.

Будто дышали.

Телефон зазвонил в кармане.

Алексей вздрогнул так, что едва не уронил трубку. На экране не было номера. Только пустая строка и мигающий значок вызова.

Он посмотрел на старика.

— Это вы?

— Я слишком стар, чтобы звонить людям без причины, — сказал тот.

— А с причиной?

— С причиной ещё хуже.

Телефон продолжал играть настойчивую, почти весёлую мелодию. Алексей нажал на зелёную кнопку.

— Аллю.

Несколько секунд в динамике шуршало. Потом женский голос, молодой и жизнерадостный, произнёс с той рекламной интонацией, от которой всегда хочется немедленно положить трубку:

— Поздравляем, Алексей Сергеевич Ветров. Вы успешно зачислены в проект «Спектакль».

Он не сразу понял слова.

— Куда?

— Ваша роль будет объявлена дополнительно. До этого момента просим сохранять естественность.

— Кто это?

— Благодарим за участие.

— Подождите. Вы кто?

— Первый акт начинается после того, как зритель решит, что всё происходящее — случайность.

Щелчок.

Гудки.

Алексей стоял, прижав телефон к уху. Дождь за стеклом шёл так же ровно. Старик смотрел на него с выражением человека, который давно ждал этого звонка и всё равно не был рад его услышать.

— Вы знали, — сказал Алексей.

— Я знал, что когда-нибудь трубка загорится.

— Для кого?

— Не для каждого.

— Что это значит?

Старик медленно сложил газету.

— Это значит, что вам надо перестать держать её голыми руками.

Алексей опустил взгляд.

Трубка исчезла.

Нет, не исчезла — лежала на прилавке, куда он, видимо, положил её сам. Он не помнил этого движения. Рядом с ней темнело влажное пятно, будто дерево вспотело.

Яиц не было.

— Где они? — спросил он.

— Кто?

— Не надо. Я видел.

— В таком случае не спрашивайте меня о том, что вы видели.

— Вы меня отравили?

— Если бы я хотел вас отравить, Алексей Сергеевич, вы бы не успели задать этот вопрос.

Слова прозвучали без угрозы. В этом и было худшее.

Алексей сжал телефон. В горле снова поднялась горечь. Он развернулся и быстро пошёл к двери, но старик окликнул его:

— Не бегите домой.

Алексей остановился, не оборачиваясь.

— Почему?

— Потому что первое место, куда идёт напуганный человек, — единственное место, которое уже знают те, кто его напугал.

— Вы говорите так, будто знаете этих людей.

— Я говорю так, будто знаю людей.

— Как вас зовут?

Пауза за спиной была слишком долгой.

— Семён Львович.

— Фамилия?

— Сегодня вам хватит имени.

Алексей вышел под дождь.

Холод ударил в лицо. Переулок оказался обычным: машина медленно сдавала назад, курьер в жёлтой куртке ругался в телефон, женщина с красным зонтом пыталась закрыть сумку. Мир не заметил, что с ним произошло.

Это должно было успокоить. Вместо этого стало страшнее.

Он сделал несколько шагов и остановился у стены. В животе скрутило так резко, что пришлось упереться ладонью в мокрый кирпич. Перед глазами поплыли белые точки. Он наклонился, судорожно вдохнул и почувствовал на языке тот же металлический привкус.

«Вы успешно зачислены».

Будто ему пришло письмо из банка. Будто он подписался на ненужную рассылку. Будто кто-то отнял у него право отказаться и ещё потребовал за это благодарности.

Алексей оглянулся.

Вывеска лавки была тёмной, без названия. В окне между фарфоровой пастушкой и серебряной сахарницей трубка лежала на прежнем месте.

Семёна Львовича за конторкой не было.

Колокольчик над дверью тихо звякнул сам по себе.

* * *

Туалет нашёлся в конце двора, за дверью с облупившейся синей краской. Ветров ворвался туда так, будто за ним гнались. Внутри пахло хлоркой, сыростью и дешёвым мылом. Лампа под потолком мигала с ленивым постоянством, не столько освещая помещение, сколько напоминая, что свет здесь может исчезнуть в любой момент.

Он заперся в кабинке, опустился на колени и сунул два пальца в рот.

Ничего.

Организм, всегда послушный в неприятных бытовых обстоятельствах, вдруг оказался предателем. Алексей снова попытался вызвать рвоту. Глаза заслезились. В горле загло. Но наружу вышла только горькая слюна.

— Давай, — прошептал он себе. — Давай же.

Он ненавидел собственный голос. Он звучал испуганно и по-детски.

Из соседней кабинки кто-то кашлянул.

Алексей застыл.

Он не слышал, чтобы сюда входили.

— Вам плохо? — спросил мужской голос.

Голос был низкий, усталый. Обычный. Именно поэтому Алексей почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Нет.

— Станный ответ для человека, который разговаривает с кафелем.

— А вы часто подслушиваете?

— Только когда люди начинают командовать собственным желудком. Это всегда интересно.

Алексей медленно выпрямился. Подошёл к перегородке.

— Кто вы?

— Человек, которому тоже однажды позвонили.

Слова прозвучали так тихо, что сначала Алексей решил: показалось.

— Что?

— «Поздравляем. Вы зачислены». Так ведь сказали?

Он не ответил.

— Не молчите, — произнёс голос. — Молчание они тоже умеют использовать.

— Кто — они?

За перегородкой кто-то вздохнул.

— Вот этого я и не знаю. Но знаю одно: если вы уже начали искать ответ, не останавливайтесь на первом. Первый ответ вам обязательно дадут. Он будет удобный. Он будет почти правдивый. И он приведёт вас туда, куда нужно им.

— Откуда вы знаете, что я начал искать?

— Потому что вы здесь.

Алексей посмотрел на свои руки. На правом указательном пальце темнела тонкая полоска сажи. Он потёр её большим пальцем. Сажка не стиралась.

— Покажитесь, — сказал он.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что вы увидите меня и решите, что я лгу. А я не хочу начинать знакомство с разочарования.

— Вы уже начали его в туалете.

За перегородкой тихо усмехнулись.

— Значит, у вас всё ещё есть чувство юмора. Это хорошо. Его труднее всего сохранить.

— Что было в трубке?

— Не знаю.

— Вы сказали, что вам звонили.

— Мне звонили. Это не значит, что я всё понял.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы запомнили одну вещь. Не верьте тому, кто слишком быстро назовёт вам виноватого.

Алексей сжал край перегородки.

— Назовите хотя бы своё имя.

— Сегодня вам хватит предупреждения.

Эта фраза была почти такой же, как у антиквара.

Алексей ударил ладонью по двери кабинки и рванул её на себя.

В коридоре никого не было.

Дверь соседней кабинки стояла открытой. На полу — сухо. Ни следов обуви, ни капель с мокрого пальто. Только унитазная бумага медленно вращалась на держателе, хотя сквозняка не было.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

Пришло сообщение без номера.

«Первое правило зрителя: не уходить до конца представления».

Алексей прочитал его дважды. Потом открыл камеру, навёл на экран другого телефона — старый профессиональный приём, который он применял, когда хотел сохранить изображение, не касаясь подозрительного файла.

На снимке сообщение не отобразилось.

Вместо него на белом фоне экрана была только одна строчка:

«РОЛЬ: СВИДЕТЕЛЬ».

Лампа под потолком мигнула.

И в ту же секунду в зеркале над раковиной Алексей увидел, как кто-то стоит за его спиной.

Он обернулся.

Никого.

Когда он снова посмотрел в зеркало, на стекле медленно проступали слова, выведенные с внутренней стороны запотевшей ладонью:

НЕ ИДИ ДОМОЙ.

Алексей не верил в знаки.

Но в тот вечер ему впервые пришлось признать: неверие не делает знак менее заметным.

ГЛАВА 2. НЕ ИДТИ ДОМОЙ

Предупреждение на зеркале исчезло быстрее, чем Алексей успел решить, надо ли его фотографировать.

Он моргнул — и стекло снова было покрыто обычными мутными разводами, чужими отпечатками пальцев и белёсыми потёками от воды. Только в верхнем углу, возле ржавой полки с пустым дозатором для мыла, осталась тонкая дорожка влаги. Она стекала вниз, изгибалась и на мгновение напоминала букву «Н».

Алексей поднёс телефон к зеркалу.

Камера поймала его лицо: бледное, с острыми тенями под глазами. Поймала облупившуюся плитку, мигающую лампу, трещину в стекле. Но слов не было.

Он снял ещё раз. Потом ещё.

Ничего.

— Отлично, — сказал он своему отражению. — Теперь я разговариваю с сантехникой и фотографирую запотевшее зеркало. Следующая остановка — таблетки и мягкие стены.

Отражение не ответило.

Телефон лежал в ладони тяжёлый и тёплый. Сообщение о первом правиле зрителя исчезло. Вместо него на экране висел список непрочитанных рабочих писем, реклама доставки еды и напоминание от банка о платеже по кредитной карте.

Обычная жизнь всегда умела возвращаться не вовремя.

Алексей открыл историю уведомлений. Пусто. Перезагрузил телефон. Снова открыл. Пусто.

Он уже почти убедил себя, что это был приступ — реакция на дым, на испорченную трубку, на запах плесени, на собственную усталость. За последние месяцы он спал мало, работал много, а о прошлом думал ровно столько, чтобы оно не успевало догнать его днём и не отпущало ночью.

Но на правом указательном пальце по-прежнему темнела узкая чёрная полоска.

Алексей потёр её влажной салфеткой. Потом мылом. Потом почти до боли провёл ногтем по коже.

След не исчез.

Сажа не должна впитываться в кожу.

Он знал это так же точно, как знал цену реставрационной ошибки. Есть вещи, которые можно исправить. Есть те, после которых предмет навсегда теряет подлинность. Снял старый лак слишком грубо — и картина превращается в хорошо сделанную копию. Перепутал слой краски — и вместе с ним стираешь чужую руку, чужое время, чужую жизнь.

Он смотрел на палец и думал только об одном: что именно успело попасть в него, когда он поднёс трубку к губам?

За дверью хлопнуло.

Алексей вздрогнул.

В туалет вошёл мужчина в тёмной куртке. Обычный, лет сорока, с мокрыми волосами, папкой под мышкой. Он бросил на Ветрова быстрый взгляд и подошёл к раковине.

— Вода есть? — спросил он.

— Не знаю.

Мужчина повернул кран. В трубах что-то забулькало. Из крана вылетела ржавая струя, потом вода пошла ровнее.

— Везёт, — заметил незнакомец. — В таких местах либо воды нет, либо она знает больше тебя.

Алексей резко обернулся.

Мужчина посмотрел на него с недоумением.

— Что?

— Ничего.

— Вы так смотрите, будто я у вас деньги занял.

— Извините.

— Да ладно. День сегодня такой.

Он вымыл руки, стряхнул воду и ушёл. Дверь закрылась. В туалете снова остались только Алексей, его отражение и тусклый гул лампы.

«Вода знает больше тебя».

Это была случайная фраза. Глупая шутка. Человек мог сказать её кому угодно. Но после слов на зеркале всякая случайность стала выглядеть подозрительно.

Алексей ненавидел это чувство. Оно лишало мир привычных границ. Когда всё может оказаться знаком, ничто уже не имеет собственного смысла.

Он вышел во двор.

Дождь ослаб, но не закончился. Мелкая холодная взвесь висела в воздухе, оседала на лице и воротнике. Двор-колодец казался пустым. На мокром асфальте дрожало отражение окна антикварной лавки.

Лавки не было.

Алексей остановился.

Ещё несколько минут назад он видел её за аркой — узкую, тёмную, с витриной, где между фарфоровой фигуркой и серебряной сахарницей лежала трубка. Теперь вместо неё стояла глухая кирпичная стена. Старая, неровная, местами замазанная серым цементом. В стене не было ни двери, ни вывески, ни следа от оконной рамы.

Он подошёл ближе.

Провёл рукой по кирпичу.

Холодный. Мокрый. Настоящий.

— Вы что-то потеряли?

Алексей обернулся.

Под аркой стоял дворник в зелёной непромокаемой куртке. В одной руке он держал метлу, в другой — пластиковый стаканчик с кофе. Дворник был молодым, почти мальчишкой, и смотрел на Алексея с тем скушающим вниманием, с каким обычно смотрят на человека, решившего среди дождя поговорить со стеной.

— Здесь была лавка, — сказал Алексей.

— Где?

— Вот здесь.

Дворник посмотрел на стену.

— Здесь всегда была стена.

— Нет. Я только что оттуда вышел.

— Тогда вам виднее.

— Здесь сидел старик. Антиквар. Семён Львович.

— Слушайте, — дворник вздохнул, — я тут третий год работаю. В этом дворе антикваров не было. Тут раньше склад был, потом трубу прорвало, потом стену заложили. Даже крысы отсюда ушли. Умные животные.

— А вы видели, как я вошёл?

— Нет.

— А как вышел?

— Тоже нет.

— Тогда откуда вы знаете, что я не вышел из лавки?

Дворник отпил кофе. Долго и задумчиво.

— Я ничего не знаю, мужчина. Я к десяти должен листья собрать у арки. Если вы нашли дверь в стене, поздравляю. У меня, может, тоже получится найти выход с этой работы.

Алексей хотел спросить ещё что-то, но в этот момент телефон завибрировал.

На экране высветилось: «Маша».

Он ответил сразу.

— Привет, солнышко.

— Пап, ты где?

Голос дочери был обычный, чуть обиженный. Такой голос всегда заставлял Алексея чувствовать себя виноватым ещё до того, как она успевала объяснить причину.

— В центре. По работе.

— Ты сегодня приедешь?

Он прикрыл глаза.

Сегодня была среда. Не его день. Но в последнее время расписание с бывшей женой существовало в форме вежливого пожелания, а не закона. Он часто обещал «заехать ненадолго» и отменял за час до встречи. Маше было девять, и она ещё делала вид, что не замечает, как взрослые постоянно переносят важное на потом.

— А ты хочешь, чтобы я приехал?

— Я не знаю. Мама сказала, ты занят.

— Мама всегда говорит правду. К сожалению.

Маша тихо фыркнула.

— У нас завтра в школе выставка. Я сделала макет.

— Какой макет?

— Театра.

Алексей почувствовал, как пальцы сжались вокруг телефона.

— Театра?

— Ну да. Там сцена, кресла, занавес. Только я не знаю, как сделать свет. Ты же обещал помочь.

Он не помнил, что обещал это. Возможно, обещал. Возможно, Елена сказала ему на прошлой неделе, когда он, стоя у подъезда, одновременно слушал её и отвечал на рабочие сообщения.

— Конечно помогу, — сказал он.

— Правда?

— Правда.

— Ты не забудешь?

«Не иди домой».

Слова на зеркале снова возникли в памяти — не буквами, а ощущением холода между лопаток.

Домой нельзя.

Но Маша была не дома. Она была у Елены, на другом конце города. Это не считалось. Наверное.

— Пап?

— Не забуду. Я приеду вечером.

— Я буду ждать.

Звонок оборвался.

Алексей стоял под дождём, слушая короткие гудки. Внутри всё сопротивлялось принятому решению. Не страх даже — привычка. Старая, отточенная годами привычка отменять обещания, если обстоятельства становятся сложнее, чем он ожидал.

Он посмотрел на чёрный след на пальце.

«Не иди домой».

Если кто-то действительно следил за ним, то Елена и Маша были самым очевидным направлением. Старик сказал именно это. Не бегите домой. Первое место, куда идёт напуганный человек, уже знают те, кто его напугал.

Рациональный выбор требовал другого: не ехать к дочери, предупредить Елену по телефону, обратиться в больницу, в полицию, к кому угодно, кто сможет проверить кровь, дым, странные сообщения. Не тащить опасность к ребёнку.

Но рациональный выбор всегда находил причины, чтобы не делать того, что страшно.

— Да пошло оно всё, — сказал Алексей и направился к машине.

Дворник проводил его взглядом.

— Мужчина!

Алексей обернулся.

— Что?

— У вас палец чёрный.

— Я знаю.

— Не отмывайте.

— Почему?

Дворник пожал плечами.

— Не знаю. Просто... не отмывайте.

Алексей смотрел на него несколько секунд. Потом сел в машину.

* * *

В салоне пахло старой кожей, влажной курткой и кофе, который он купил утром и так и не выпил. Машина была его маленькой территорией порядка. В бардачке лежали салфетки, фонарик, зарядка, упаковка пластырей, папка с документами, которую он всё время забывал отнести домой. На заднем сиденье — детская заколка в виде синей бабочки. Маша потеряла её месяц назад, а он не выбросил.

Алексей включил двигатель. Радио заговорило голосом ведущего о пробках, курсе валют и погоде. Потом ведущий усмехнулся:

— Ну а если вы сегодня забыли зонт, не переживайте. Город тоже забыл, что у него есть ноябрь.

Слова звучали нормально. Даже смешно. Но Алексею показалось, что после них в эфире что-то щёлкнуло.

Он выключил радио.

На экране навигатора высветился маршрут до дома Елены. Сорок семь минут. Красная линия тянулась через центр, петляла по набережной и упиралась в знакомый район с серыми девятиэтажками, школой, аптекой и пекарней, где Маша всегда просила купить булочку с корицей.

Он тронулся.

На первом перекрёстке загорелся красный. Алексей остановился. Слева, у пешеходного перехода, стояла женщина с красным зонтом.

Он узнал её сразу.

Та самая, которую видел в переулке у лавки. Высокая, в светлом пальто, с ярко-красным зонтом, слишком нарядным для такой серой погоды. Лица он тогда не разглядел. Сейчас она стояла боком, глядя не на дорогу, а прямо на него.

Светофор переключился на зелёный.

Машины сзади засигналили.

Женщина не двинулась с места.

Алексей нажал на газ. Когда он проезжал мимо, она подняла свободную руку и прижала указательный палец к губам.

Тише.

Он резко вывернул руль к обочине. Сзади взревели клаксоны. Кто-то крикнул в открытое окно, что о нём думает. Алексей не услышал. Он смотрел в зеркало заднего вида.

Женщины не было.

На переходе шли люди: парень в наушниках, пожилая женщина с пакетом, мужчина с ребёнком на руках. Красный зонт исчез, будто его никогда не существовало.

«Тише».

Это мог быть жест случайного прохожего. Она могла поправлять волосы. Могла смотреть не на него. Он мог принять красный зонт за знак только потому, что пролог его собственной паники уже начал складываться в дешёвый детектив.

Алексей ударил ладонью по рулю.

— Соberись.

Он поехал дальше.

Через десять минут навигатор предложил перестроить маршрут.

«Впереди авария. Сэкономьте двадцать одну минуту».

Новая линия уходила вправо, в сторону набережной.

Алексей взглянул на карту. Маршрут был короче. Дорога — свободнее. Любой нормальный человек повернул бы.

Он вспомнил мужчину в туалете.

«Первый ответ вам обязательно дадут. Он будет удобный. Он будет почти правдивый. И он приведёт вас туда, куда нужно им».

Алексей выключил навигатор.

— Нет, — сказал он. — Сегодня я побуду неудобным.

Он остался в пробке.

Через минуту на телефон пришло сообщение от Елены.

«Не приезжай. У Маши температура. Я вызвала врача. Потом напишу».

Он прочитал его и почувствовал, как внутри всё проваливается.

Маша болела редко. Последний раз — прошлой зимой. Температура, красное горло, два дня дома. Ничего страшного.

Ничего страшного.

Слова сами повторились в голове. Слишком быстро. Слишком гладко.

Он нажал на вызов.

Елена ответила после третьего гудка.

— Лёша, я же написала.

— Что с ней?

— Температура. Тридцать восемь и семь. Врач уже едет.

— Когда началось?

— После школы.

— Она ела что-нибудь необычное?

Пауза.

— Что?

— Еда. В школе. Дома. Может, что-то купила?

— Лёша, ты серьёзно? У ребёнка температура, а ты устраиваешь допрос?

— Я не устраиваю допрос. Просто ответь.

— Обычную еду она ела. Макароны, котлету. Потом чай. Ты приедешь или будешь спрашивать, не укусила ли её инопланетная муха?

Он закрыл глаза.

— Я еду.

— Не надо. Ты сам говорил, что занят.

— Елена.

В его голосе было что-то такое, от чего она замолчала.

— Что случилось?

Он посмотрел на мокрый поток машин. На чёрный след на пальце. На экран, где снова, без его участия, включился навигатор.

Маршрут до дома Елены был отмечен тонкой красной линией.

Под ним появилось сообщение:

«РЕКОМЕНДУЕМ НЕ ОТКЛОНЯТЬСЯ ОТ СЦЕНАРИЯ».

Алексей нажал на тормоз так резко, что машина сзади едва не врезалась в его бампер.

Сигнал. Ругательства. Дождь.

Он смотрел на экран.

Сообщение исчезло.

— Лёша? — голос Елены звучал тревожно. — Ты там?

Он медленно выдохнул.

— Да. Слушай меня внимательно. Запри дверь. Никому не открывай, кроме врача. И когда врач придёт, сначала позвони мне.

— Ты меня пугаешь.

— Я знаю. Прости. Просто сделай так.

— Ты опять... Это связано с тем, о чём ты говорил месяц назад? С аварией? С твоими бумажками?

— Я объясню. Но не сейчас.

— Ты не объясняешь, Лёша. Ты всегда говоришь «не сейчас».

Он сжал руль. Это было несправедливо. И именно поэтому больно.

— Сегодня объясню.

— Ты обещаешь?

На мгновение он услышал Машин голос: «Ты не забудешь?»

— Обещаю.

Он отключился и снова посмотрел на карту.

Навигатор предлагал повернуть к набережной.

Алексей включил поворотник в другую сторону.

В ту же секунду в боковом зеркале он увидел чёрный автомобиль без опознавательных знаков. Машина стояла в двух рядах позади, но двигалась вместе с ним уже несколько кварталов.

Внутри сидели двое.

Один смотрел в телефон.

Другой — прямо на Алексея.

Чёрный след на пальце вдруг обжёг кожу.

Телефон снова зазвонил.

Номер не определился.

Алексей не ответил.

Звонок оборвался.

Через секунду пришло голосовое сообщение. Он не хотел его включать. Не хотел слышать тот бодрый женский голос, который уже успел поселиться у него в памяти.

Но палец горел всё сильнее.

Алексей нажал воспроизведение.

В динамике раздался мужской голос. Спокойный, пожилой, почти доброжелательный.

— Алексей Сергеевич, вы делаете именно то, что должен делать хороший отец. Однако не всякая дорога, ведущая к ребёнку, ведёт к спасению.

Короткая пауза.

— Не заставляйте нас репетировать сцену, которой можно избежать.

Сообщение закончилось.
Алексей посмотрел в зеркало.
Чёрный автомобиль по-прежнему был позади.
И впервые за много лет он понял, что боится не за себя.

ГЛАВА 3. ЧУЖАЯ МЫСЛЬ

Алексей Ветров знал, что за ним едут. Он не мог этого доказать.

Чёрный автомобиль держался на расстоянии: то исчезал в потоке, то снова возникал в зеркале заднего вида — одинаково невозмутимый, чистый, без наклеек, без таксистских пашек, без опознавательных знаков. Номер он успел увидеть только один раз, когда машина перестроилась под фонарём. Номер выглядел обычным. Настолько обычным, что Алексей тут же его забыл.

Это тоже было ненормально.

Он помнил номера автомобилей, если видел их дважды. Помнил мелкие клейма на серебре, цифры на обороте старых фотографий, названия улиц, по которым ходил ещё студентом. Память на детали была единственным талантом, который никогда не изменял ему.

Но номер чёрной машины словно проваливался в тёмную воду. Он знал, что видел его. Знал, что должен был запомнить. И всякий раз, когда пытался восстановить цифры, в голове оставалось только ощущение гладкой, чистой поверхности.

Впереди загорелся жёлтый.

«Поверни направо», — подумал Алексей.

Мысль возникла спокойно, даже деловито. Справа начиналась узкая улица, свободная от пробки. Можно было выиграть минут десять, объехать затор, оторваться от машины.

Он уже потянулся к рычагу поворотника.

И вдруг понял, что не хочет поворачивать.

Не потому, что улица казалась опасной. Не потому, что чёрный автомобиль обязательно поедет за ним. Просто внутри не было того обычного движения, с которого рождается решение. Не было сомнения, оценки, раздражения, привычного внутреннего спора. Мысль «поверни направо» лежала в голове готовой, ровной и холодной, как надпись на табличке.

Алексей выругался и поехал прямо.

В ту же секунду палец с чёрной полосой кольнуло так, будто кожу коснулась раскалённая игла.

Он едва не выпустил руль.

— Нет, — сказал он вслух. — Нет. Не сегодня.

Светофор сменился на красный. Машины впереди остановились. Алексей посмотрел в зеркало.

Чёрного автомобиля не было.

Только серый кроссовер, фургон доставки и автобус, на котором крупными белыми буквами было написано: «ВЫБИРАЙ СВОЙ МАРШРУТ».

Он закрыл глаза на секунду.

Когда открыл, надпись не изменилась.

Обычная реклама туристического сервиса. Или чего-то ещё. Он не стал читать мелкий шрифт.

Телефон завибрировал на пассажирском сиденье. Елена прислала фотографию градусника.

38,9.

Под снимком было сообщение:

«Врач задерживается. Маша уснула. Не гони, пожалуйста».

Алексей почувствовал, как тревога превращается в злость. Злость была проще. Она не требовала объяснений, не заставляла выбирать между страхом за ребёнка и стыдом за собственную беспомощность.

Он набрал номер знакомого терапевта.

Николай Петрович когда-то лечил его от бессонницы. Называл её нервным истощением, хотя Алексей прекрасно понимал: «нервное истощение» — это медицинское выражение для состояния, когда человеку уже некуда девать собственную жизнь, но он всё ещё старается разложить её по папкам.

— Алексей? — голос врача был сонный. — Ты видел время?

— Видел. Мне нужна помощь.

— Кому?

— Мне. И, возможно, ребёнку.

— Ты пьян?

— Нет.

— Тогда говори нормально.

Алексей посмотрел на горящий палец.

— Я вдохнул дым от старой трубки. Потом мне стало плохо. Появились... странные симптомы.

— Что значит «странные»?

— Металлический привкус. Провалы в памяти. Ощущение, что я не сам принимаю решения.

На том конце повисла пауза.

— Лёша, — наконец сказал Николай Петрович, — у тебя паническая атака.

— Я знаю, как выглядит паническая атака.

— Ты знаешь, как выглядит тревога у других людей. Это разные вещи.

— Мне нужно сдать кровь.

— Сдашь утром.

— Сейчас.

— Хорошо. Приезжай в приёмное отделение на Рахмановский. Я позвоню дежурному. Но ты пообещаешь мне две вещи.

— Какие?

— Не садись за руль, если тебя трясёт. И не читай в интернете ничего про паразитов, чипирование и тайные общества.

Алексей невольно усмехнулся.

— Поздно.

— Вот это я и боялся услышать.

Он отключился.

Боль в пальце ослабла. На секунду ему показалось, что он поступает разумно: едет в больницу, сдаёт анализы, проверяет кровь. Он сможет потом приехать к Маше с фактами, а не с бредом о трубках, личинках и чужих мыслях.

«Поезжай в больницу».

Мысль прозвучала слишком гладко.

Алексей замер.

Он посмотрел на экран навигатора. Маршрут до Рахмановского уже был построен. Он не вводил адрес.

Сорок одна минута.

Экран мигнул. Поверх карты появилась надпись:

«ПОДТВЕРЖДЕНО. МЕДИЦИНСКИЙ ЭПИЗОД».

Алексей резко выключил навигатор.

Сердце билось так, что отдавалось в висках.

— Это телефон, — сказал он. — Это просто телефон. Он слышит разговор. Он предлагает маршрут. Всё.

Но он знал, что не включал голосового помощника. И никто не называл адрес больницы вслух. Николай Петрович сказал только «на Рахмановский». Не номер корпуса. Не отделение. Не точку на карте.

Он свернул во двор у круглосуточной аптеки и заглушил двигатель.

Дождь стучал по крыше. В стекле витрины горел зелёный крест. Под ним медленно менялась реклама: «ВИТАМИНЫ», «СОН», «ИММУНИТЕТ», «СПОКОЙСТВИЕ».

Последнее слово задержалось на экране чуть дольше остальных.

Алексей рассмеялся.

Смех получился тихий и неприятный.

— Ну конечно. Спокойствие. Очень своевременно.

Он достал из бардачка одноразовые перчатки, надел их, открыл телефон и выключил всё, что мог: геолокацию, мобильные данные, Bluetooth, доступ к микрофону, уведомления. Потом вытащил SIM-карту и положил её в бумажный конверт от старого чека.

Телефон погас.

Через три секунды экран снова загорелся.

На чёрном фоне появилось белое кольцо загрузки. Оно вращалось медленно, почти лениво. Затем из динамика, хотя звук был выключен, раздался женский голос:

— Просим не повреждать реквизит.

Алексей швырнул телефон на пассажирское сиденье.

Экран погас.

Он сидел неподвижно и слушал собственное дыхание. Руки дрожали. Внутри поднималась знакомая волна — желание выбрать самую простую версию: переутомился, отравился, испугался, сошёл с ума. Всё можно было объяснить. Всё, кроме того, что объяснения возникали в голове раньше, чем он успевал их обдумать.

Он снял перчатку с правой руки.

Чёрная полоска на пальце стала тоньше. Теперь она походила не на сажу, а на маленький знак. Две короткие дуги, соединённые внизу. Почти маска.

Алексей снова натянул перчатку.

В аптеке зазвенел колокольчик. Из дверей вышла женщина с красным зонтом.

Она держала белый пакет, прижимая его к груди. На этот раз Алексей увидел её лицо. Лет тридцать пять, может быть, чуть больше. Светлая кожа, тёмные волосы, усталые глаза. Ничего театрального. Ничего пугающего.

Женщина остановилась под козырьком, раскрыла зонт и посмотрела прямо на его машину.

Потом подошла.

Алексей запер двери.

Она постучала в окно.

Он не опустил стекло.

Женщина наклонилась, пытаясь поймать его взгляд, и показала ладони: пустые.

— Алексей Сергеевич, — сказала она. Голос приглушённо прошёл через стекло. — Откройте. Пожалуйста.

Он не двигался.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Это сейчас неважно.

— Очень даже важно.

— У вас ребёнок с температурой. Вы хотите к ней ехать, но боитесь, что приведёте за собой тех, кто уже следит за вами. Правильно?

Он почувствовал, как холодеют губы.

— Кто вы?

— Меня зовут Софья.

— Фамилия?

— Это вам действительно важно?

— Сегодня — да.

На секунду она улыбнулась. Улыбка была усталой, но не злой.

— Громова. Софья Громова.

— Документы.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Это хороший знак. Значит, вам ещё страшнее, чем кажется.

Она достала из сумки паспорт, раскрыла на нужной странице и прижала к стеклу. Алексей прочёл имя. Фотография совпадала. Но паспорт можно было подделать. Он знал это лучше многих.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

— Журналистикой. Иногда расследованиями. Сейчас, если честно, в основном выживанием.

— И вы случайно оказались у этой аптеки?

— Нет.

— Кто вас послал?

— Никто.

— Тогда как вы меня нашли?

Софья медленно выпрямилась. Дождь стучал по её красному зонту, и этот звук почему-то раздражал Алексея сильнее, чем всё остальное.

— Если я отвечу, вы всё равно не поверите.

— Попробуйте.

— Три месяца назад мой брат купил старую вещь. Не трубку. Карманные часы. Через неделю ему позвонили и сказали почти то же, что сказали вам. Он решил, что это розыгрыш. Потом начал замечать, что люди вокруг него повторяют одни и те же фразы.

— И где он?

— Я не знаю.

— Почему вы думаете, что это связано со мной?

— Потому что вчера в закрытом чате появился снимок вашей трубки.

Алексей не поверил сразу. Это было даже не решение. Организм просто отказался принимать слишком много невозможного за один вечер.

— У меня нет снимка трубки.

— У вас — нет. У них — есть.

Она достала телефон, но не включила экран.

— Я не могу показать здесь. И не могу долго стоять рядом с вашей машиной. Вас уже ведут.

— Кто?

— Не знаю. Но если вы поедете прямо к дочери, вы приведёте их туда. Если поедете в больницу, окажетесь в месте, которое вам уже предложили. Если останетесь здесь, через семь минут к вам подойдёт патруль и предложит пройти проверку на состояние опьянения.

Алексей посмотрел на часы.

— Откуда вы знаете?

— Потому что так было с моим братом.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть.

Он хотел спросить, почему должен верить ей. Хотел сказать, что она может быть частью ловушки. Что женщина с красным зонтом появляется слишком вовремя. Что имя, паспорт, история о брате — всё это именно тот удобный первый ответ, о котором предупреждал неизвестный в туалете.

Но Софья вдруг посмотрела на его правую руку.

— Не снимайте перчатку, — сказала она.

Алексей застыл.

— Почему?

— Потому что они ещё не знают, насколько глубоко вошёл след.

— Они — кто?

Софья покачала головой.

— Если я назову вам имя, вы запомните его. А если запомните, вам будет сложнее понять, ваша это мысль или нет.

— Это уже начинает раздражать.

— Хорошо. Раздражение — тоже хороший знак.

— Вы говорите так, будто врач.

— Я говорю так, будто человек, который видел, как близкий перестаёт быть собой.

Телефон на пассажирском сиденье включился.

Экран оставался чёрным, но по салону поплыл тот же бодрый женский голос:

— Алексей Сергеевич, просим не вступать в контакт с неутверждёнными участниками.

Софья побледнела.

— Выйдите из машины, — быстро сказала она.

— Зачем?

— Потому что сейчас она заблокируется.

Щелчок прозвучал сразу после её слов.

Дверные замки опустились.

Алексей дёрнул ручку. Ничего.

Он нажал кнопку разблокировки. Ничего.

Двигатель не заводился. На панели приборов один за другим загорелись значки — двигатель, тормоза, подушки безопасности, аккумулятор. Потом все погасли, кроме одного: маленькой жёлтой маски, которой в его машине никогда не было.

— Лёша! — Софья ударила ладонью по стеклу. — Откройте капот! Там механический трос!

— Он в салоне.

— Я знаю!

Он наклонился, рванул рычаг. Капот приподнялся на несколько сантиметров. Софья бросилась к нему, сунула пальцы в щель и дёрнула вверх. Дождь мгновенно намочил ей волосы.

Из-под капота вырвался белый пар.

Запах был знакомым.

Сладковатый металл. Сырой подвал. Горечь, от которой язык немел.

Алексей ударил локтем по боковому стеклу. Один раз. Второй. Боль прошла в руку, но стекло только покрылось сеткой трещин.

Софья подняла с земли металлический дорожный конус и со всей силы ударила в окно.

Стекло рассыпалось внутрь.

Алексей выбрался наружу, порезав ладонь. Софья схватила его за рукав.

— Бежим.

— Куда?

— Туда, куда вы сами выберете. Быстро!

Они побежали через двор. Позади машина тихо щёлкнула замками. Пар поднимался над капотом тонкой белой струёй, словно кто-то внутри неё закурил невидимую трубку.

У выхода из арки стоял полицейский автомобиль.

Софья резко свернула влево, к мусорным контейнерам.

— Туда нельзя, — сказал Алексей.

— Почему?

— Потому что там тупик.

— Откуда вы знаете?

Он не знал. Он видел этот двор впервые.

Но мысль пришла снова — готовая, гладкая, уверенная.

Тупик.

Алексей остановился.

Софья дёрнула его за руку.

— Что вы делаете?

— Я не знаю, — сказал он. — Но туда мы не пойдём.

Он повернул направо — к узкому проходу между аптекой и хозяйственным магазином. Там висела табличка «Служебный вход». Дверь была заперта на магнитный замок.

Софья вытащила из кармана тонкую пластиковую карту.

— Вы журналистка, говорите?

— Я многому научилась после того, как полиция перестала принимать заявления о пропавшем брате.

Она провела картой по щели. Замок щёлкнул.

— Это не работает так, — сказал Алексей.

— А вы не эксперт по дверям.

— К счастью.

Они проскользнули внутрь.

В коридоре пахло картоном, пылью и апельсиновыми корками. Где-то гудел холодильник. Софья закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Алексей тяжело дышал. Порез на ладони кровил. Чёрная отметина на пальце была видна даже сквозь разорванную перчатку.

Софья заметила её и побледнела ещё сильнее.

— У брата было так же, — сказала она.

— Что это?

— Я не знаю.

— Вы слишком часто это повторяете.

— Потому что люди вроде вас очень хотят услышать точный ответ. А точные ответы сейчас опаснее лжи.

Он хотел возразить. Но в этот момент из-за двери донёсся голос.

Спокойный, мужской, пожилой.

Тот самый голос из сообщения.

— Алексей Сергеевич, вы можете не бояться. Никто не причинит вам вреда.

Софья закрыла рот ладонью.

Голос продолжил:

— Но если вы продолжите сопротивляться каждому разумному шагу, вред причинит сама случайность. А случайность, поверьте, гораздо жестче любого режиссёра.

Алексей посмотрел на Софью.

— Вы знаете его?

Она медленно покачала головой.

— Нет.

— А он знает вас?

— Похоже, теперь — да.

Снаружи стало тихо.

Слишком тихо.

Алексей прижал ладонь к груди, чувствуя, как сердце бьётся быстро и неровно. Ему хотелось немедленно выйти, сдать врачу, полиции, любому человеку с удостоверением и понятными правилами. Хотелось, чтобы кто-то забрал у него необходимость решать.

И вместе с этим возникла другая мысль.

«Сдайся. Это разумно».

Мысль была гладкой. Чужой.

Алексей посмотрел на Софью Громову, на её красный зонт, прислонённый к стене, на кровь у себя на ладони и на дверь, за которой стоял человек, знавший о нём слишком много.

— Вы сказали, у вас есть снимок трубки, — произнёс он.

— Есть.

— Покажете?

— Здесь?

— Нет. Там, где нас не найдут.

Софья устало усмехнулась.

— Если вы знаете такое место, Алексей Сергеевич, я готова впервые за три месяца поверить в чудо.

Он подумал о квартире. О дочери. О Елене. О собственной мастерской, где на полках стояли вещи, пережившие войны, пожары, революции и человеческую глупость.

Домой нельзя.

В мастерскую — тоже нельзя.

Но был ещё один адрес.

Человек, которому Алексей не звонил пять лет. Человек, с которым он когда-то работал и которому был должен больше, чем хотел помнить.

Он назвал улицу.

Софья кивнула.

— Хорошо. Тогда выбирайте маршрут сами.

Алексей посмотрел на чёрную метку на пальце.

— Я пытаюсь.

И впервые не был уверен, что это правда.

ГЛАВА 4. СЛЕД НА ПАЛЬЦЕ

Адрес, который назвал Алексей, находился в тридцати минутах езды от аптеки, если верить карте, и в бесконечности — если верить дождю, пробкам и собственным нервам.

Алексей вёл машину молча. Софья сидела рядом, пристегнувшись, но не откидываясь на спинку кресла. Красный зонт лежал у её ног, с него на резиновый коврик капала вода. Телефон Алексея оставался выключенным на пассажирском сиденье, однако он всё равно время от времени косился на чёрный экран, словно ожидал, что тот заговорит первым.

— Вы всегда так водите? — спросила Софья минут через пять.

— Как?

— Будто машина вам должна денег.

— Обычно она должна только бензин.

— Я серьёзно.

— А я нет.

Софья повернулась к окну.

— Это заметно.

— Что именно?

— Что вы шутите, когда вам страшно.

Алексей хотел ответить привычной колкостью, но промолчал. Она попала слишком точно, и от этого стало неприятно.

Снаружи проплывали мокрые фасады, рекламные щиты, автобусные остановки с людьми, прячущимися под навесами. Обычный город. Обычный вечер. Только теперь каждый человек на улице казался Алексею возможным участником чужой игры. Женщина, придерживающая дверь пожилому мужчине. Курьер, перебегающий дорогу на красный. Парень с букетом хризантем, который десятый раз смотрел на телефон.

Все они могли просто жить.

А могли исполнять роли.

Эта мысль пришла сама. Ровная, спокойная, почти деловая.

Алексей крепче сжал руль.

— Не смотрите на меня так, — сказала Софья.

— Я не смотрю.

— Смотрите. Как будто решаете, заражена я или нет.

— А вы заражены?

Она усмехнулась без веселья.

— Хороший вопрос. Вы уже начинаете понимать, в чём проблема.

— Я задал простой вопрос.

— Простых вопросов больше нет, Алексей Сергеевич.

— Не называйте меня так.

— Как?

— Алексей Сергеевич.

— Почему?

— Потому что так меня сегодня уже называли люди, которых я не знаю.

Софья кивнула, будто отметила важную деталь.

— Хорошо. Алексей.

Он снова посмотрел на неё. Теперь она произнесла имя тише, без иронии.

— Так лучше?

— Не знаю.

— Это тоже хороший ответ.

— Вы всё время говорите, что хорошие ответы — это те, которые ничего не объясняют.
— Нет. Я говорю, что иногда честный ответ звучит беспомощно.

Несколько секунд они ехали молча.

— Где ваш брат? — спросил Алексей.

Софья не сразу ответила.

— Если бы я знала, я бы не сидела в машине человека, которого увидела полчаса назад.

— А если точнее?

— Его зовут Игорь. Тридцать два года. Инженер по связи. Не гений, не секретный агент, не человек, который всю жизнь собирал доказательства мирового заговора. Он работал, ругался на начальство, забывал позвонить матери и считал, что я слишком много читаю криминальные новости.

— И что произошло?

— Купил часы.

— Просто часы?

— Старые. Карманные. На аукционе. Латунный корпус, треснувшее стекло, на крышке — вензель. Он позвонил мне, смеялся. Говорил, что нашёл «первую взрослую вещь» в своей жизни.

— А потом?

— Потом стал плохо спать. Сначала говорил, что слышит тиканье даже в тишине. Потом начал опаздывать. Не потому, что проспал. Он приходил туда, куда не собирался. Оказывался в другом конце города и не понимал, как доехал.

— Вы обращались в полицию?

— Обращалась. Они записали: «Взрослый мужчина, склонность к импульсивным поступкам, признаков преступления не установлено». Очень удобная формулировка. Когда человек исчезает, но ещё не найдено тело, никто не хочет делать лишнюю работу.

— А часы?

— Исчезли вместе с ним.

Алексей посмотрел на её руки. Пальцы Софьи были сжаты на ремне сумки так сильно, что побелели костяшки.

— Почему вы думаете, что я связан с вашим братом?

— Не думаю. Я думаю, что вы увидели то же, что видел он. А ещё думаю, что если вы не перестанете дёргаться на каждую тень, вас очень быстро сделают удобной историей для врачей.

— Вы уже рассказывали про врачей.

— Потому что это работает.

— Вы хотите сказать, в больнице мне бы помогли исчезнуть?

— Я хочу сказать, что в больнице вас бы обследовали. Возможно, нашли бы что-то непонятное. Возможно, назначили бы препараты. Возможно, убедили бы, что вам нельзя видеться с ребёнком, пока вы не придёте в себя. А потом вы сами перестали бы верить тому, что видели.

Алексей ничего не ответил.

Перед глазами всплыло лицо Маши, её голос: «Ты не забудешь?»

Он вдруг поймал себя на том, что уже почти решил не ехать к ней. Сначала — потому что так безопаснее. Потом — потому что Елена справится. Потом — потому что ребёнку вредно видеть его в таком состоянии.

Мысль была разумной.

Именно поэтому он ей не доверял.

— Дайте ваш телефон, — сказал он.

Софья нахмурилась.

— Зачем?

— Хочу проверить снимок трубки.

— Здесь?

— Здесь.

— Мы только что бежали от машины, которая заперла вас изнутри.

— И потому нам нужно определить, не ведёте ли вы меня туда, куда им надо.

— Логично.

Она достала телефон. Старый, с потрескавшимся чехлом, без модного блеска. Протянула ему.

Алексей взял аппарат двумя пальцами, как музейный предмет, и положил на центральную консоль.

— Пароль?

— Вы серьёзно решили устроить экспертизу телефона на ходу?

— Я умею делать несколько вещей одновременно.

— Например?

— Ошибаться и злиться.

Софья назвала цифры.

На экране была фотография трубки. Снято издали, через стекло витрины. Угол неудобный, изображение смазанное, но чашу и янтарный мундштук Алексей узнал сразу. В нижнем углу стояла дата — вчерашний вечер.

— Где это опубликовано?

— В закрытом канале. Люди, у которых были похожие истории, делятся снимками и сообщениями.

— Почему я не нашёл его?

— Потому что вы до сегодняшнего дня не искали.

— Покажите канал.

Софья взяла телефон, открыла приложение. Экран мигнул и погас.

— Что за...

Она нажала кнопку. Ничего.

— Разрядился? — спросил Алексей.

— Было семьдесят процентов.

Он посмотрел на свой телефон. Тот лежал чёрный и молчаливый.

— Может, у вас привычка покупать технику, которая не любит вопросы?

— У меня привычка не доверять людям, которые появляются с красным зонтом ровно в тот момент, когда мне нужна помощь.

— Я понимаю.

— Не думаю.

— Алексей, — сказала Софья спокойно, — я не прошу вас верить мне. Я прошу вас не делать глупостей в одиночку.

Он хотел возразить, но на этот раз не нашёл слов.

Машина свернула с проспекта в старый район. Дома здесь стояли ниже, дворы были темнее, а деревья за заборами тянули голые ветви к жёлтым окнам. Адрес принадлежал не человеку, а воспоминанию.

Пять лет назад в этом районе жил Борис Андреевич Лавров — реставратор, искусствовед, бывший преподаватель и единственный человек, который когда-то называл Алексея талантливым без оговорки «если бы ты не был таким упрямым». Потом они поссорились. Алексей ушёл из его мастерской, взял заказ фонда, подписал то заключение и больше не звонил.

Дом Лаврова стоял в глубине двора, за старой аркой. На первом этаже светило одно окно.

— Здесь? — спросила Софья.

— Если он не переехал.

- А если переехал?
- Тогда я совершил очень длинную ошибку.
- Наконец-то вы говорите как нормальный человек.
- Спасибо. Постараюсь больше не повторять.

Он припарковался у подъезда. Перед тем как выйти, снова посмотрел в зеркало заднего вида.

Чёрного автомобиля не было.

Это не успокоило.

* * *

Подъезд пах варёной капустой, сырой штукатуркой и чьими-то кошками. Лифт не работал. На стене возле почтовых ящиков висело объявление: «Уважаемые жильцы! Просьба не подкармливать голубей на подоконниках». Кто-то ниже дописал маркером: «Они тоже участники».

Алексей остановился.

Слова были выведены неровно, торопливо. «Они тоже участники».

Софья прочла через его плечо.

— Это мог написать любой человек.

— Да.

— Вы ведь понимаете, что если будете цепляться за каждую фразу, то сойдёте с ума быстрее, чем они успеют что-то сделать?

— Я понимаю.

— Тогда перестаньте.

— Хорошая рекомендация.

— Бесплатная. Пользуйтесь.

Они поднялись на четвёртый этаж. Алексей нажал на звонок квартиры сорок семь.

Долго никто не открывал.

Он позвонил ещё раз.

За дверью щёлкнул замок.

— Кто там? — донёсся старческий голос.

— Борис Андреевич, это Ветров.

Тишина.

Алексей уже решил, что старик не помнит его. Что он назвал фамилию, а за дверью сейчас пытаются сообразить, кто это и зачем пришёл вечером под дождём.

Потом голос спросил:

— Какой Ветров?

— Тот, который пять лет назад ушёл красиво, а возвращается некрасиво.

Пауза.

— Значит, всё-таки Ветров, — буркнули за дверью. — Подожди.

Замки щёлкали долго. Сначала один, потом второй, потом цепочка. Дверь приоткрылась.

Борис Андреевич Лавров почти не изменился. Разве что стал ещё суше, ещё белее и ещё больше походил на человека, которого по ошибке оставили в мире живых после закрытия музея. На нём был тёмный свитер, заляпанный краской, и домашние тапки с вытертыми носами. В руке он держал лупу.

— А это кто? — спросил он, кивнув на Софью.

— Проблема, — сказал Алексей.

— Неправильный ответ, — заметила Софья. — Я Софья.

— Очень хорошо. Тогда проблема — это он. Заходите оба. Только вытрите ноги. У меня здесь девятнадцатый век, он от грязи нервничает.

Квартира Лаврова была одновременно мастерской, складом и убежищем человека, который давно решил не объяснять людям разницу между беспорядком и системой. В коридоре стояли рамы, свёрнутые холсты, коробки с книгами и два деревянных ящика, подписанные «НЕ ТРОГАТЬ». В комнате горела настольная лампа. На большом столе лежала разобранная икона под стеклом, рядом — кисти, пинцеты, баночки, листы бумаги, лупы и чашка с давно остывшим чаем.

— Чаю? — спросил Лавров.

— Да, — ответил Алексей.

— Нет, — одновременно сказала Софья.

Лавров посмотрел на обоих.

— Прекрасно. Значит, сделаю чай. У людей, которые отвечают одновременно и по-разному, обычно есть причина не доверять друг другу. А чай хотя бы никого не удивляет.

— Вы ошибаетесь, — тихо сказал Алексей.

— В моём возрасте это уже не ошибка, а метод исследования.

Лавров ушёл на кухню. Софья сняла мокрое пальто и повесила на спинку стула. Алексей остался стоять посреди комнаты, не зная, куда девать руки.

— Он вам доверяет? — спросила она.

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что вы оба живы. Значит, он не слишком доверчивый.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Из кухни донёсся голос Лаврова:

— Ветров! Ты всё ещё куришь?

— Нет.

— Тогда почему от тебя пахнет горелым деревом?

Алексей не ответил.

Через минуту Лавров вернулся с чайником, тремя разными кружками и тарелкой с сухариками. Он поставил всё на край стола, внимательно посмотрел на Алексея и вдруг стал серьёзным.

— Покажи руки.

— Зачем?

— Потому что я попросил.

— Вы не врач.

— И слава богу. Врачи сейчас первыми начнут объяснять тебе, что ты устал. А я реставратор. Я хотя бы знаю, как выглядит след от вещи, которая не должна была тебя касаться.

Алексей медленно снял перчатку.

Чёрная полоска на указательном пальце изменилась. Теперь это был не просто след: тонкие тёмные линии расходились к суставу, почти незаметные, как трещины на старом лаке. В центре оставалась маленькая маска — две дуги и узкий разрез.

Софья шумно вдохнула.

Лавров не сказал ничего. Он достал из ящика тонкий металлический пинцет, поднёс к пальцу, но не коснулся.

— Когда это появилось?

— Сегодня.

— После чего?

— После трубки.

Лавров поднял глаза.

— Какой трубки?

— Старой. Чёрное дерево, янтарный мундштук. На чаше знак — корона, две змеи и маска.

Чайник на столе тихо щёлкнул, остывая.

— Где ты её видел? — спросил Лавров.

— В лавке.

— В какой?

— В переулке у... — Алексей назвал адрес.

Лавров медленно сел.

— Там нет лавки.

— Я уже слышал.

— Нет, Ветров. Там не просто нет лавки. Там в сорок девятом году был пожар. Дом выгорел изнутри. Его потом перестраивали дважды. Но лавки там не было никогда.

Софья посмотрела на Алексея.

— Вы уверены в адресе?

— Да.

— Уверенность — не доказательство, — сказал Лавров.

— Зато вы сами только что сказали, что там был пожар.

— Потому что я видел документы.

— Где?

Лавров не ответил.

Алексей почувствовал знакомое раздражение. Так начинались все разговоры, которые он ненавидел: один человек знает больше, чем говорит, второй вынужден угадывать, а правда прячется где-то между умными паузами.

— Борис Андреевич, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Если вы знаете что-то об этом знаке, скажите сейчас.

— Я знаю не о знаке. Я знаю о людях, которые его искали.

— И?

— И я не хочу, чтобы они снова пришли в мой дом.

— Кто пришёл?

— Те, кто всегда приходят последними. Когда уже поздно что-либо объяснять.

Софья подошла к столу.

— Вы видели такое раньше?

Лавров посмотрел на неё.

— Девушка, я видел многое. Но именно поэтому не люблю отвечать на вопросы в формулировке «такое». Слишком часто потом выясняется, что люди имели в виду совсем другое.

— На пальце. Этот след.

Он снова взглянул на руку Алексея.

— Видел похожее. Один раз.

— У кого?

— У женщины, которая умерла через три дня.

В комнате стало тихо.

Алексей почувствовал, как кровь отливает от лица.

— От чего умерла?

— Официально — от инсульта. Неофициально — от того, что слишком много знала и слишком долго пыталась убедить себя, что всё ещё может не участвовать.

— Кто она?

Лавров взял чашку, но не отпил.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да.

— Тогда сначала ответь на мой вопрос. Тебе уже звонили?

Алексей медленно кивнул.

— Что сказали?

— Что я зачислен в проект «Спектакль».

Лавров закрыл глаза.

Софья опустилась на край стула.

— Значит, это правда, — прошептала она.

— Что именно? — резко спросил Алексей.

— То, что Игорь говорил перед исчезновением. Он называл это спектаклем. Я думала, он подхватил чужую паранойю.

— Паранойя, — сказал Лавров, — это когда за тобой никто не следит. Не путайте эти вещи.

Алексей посмотрел на старика.

— Вы знаете, где Семён Львович?

Лавров помолчал.

— Не знаю.

— Вы его знаете?

— Знал.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я готов дать.

— Вы все сегодня решили говорить загадками?

— Нет. Мы все сегодня решили не умирать раньше времени.

Алексей сделал шаг к столу.

— У меня дочь с температурой. За мной ездит чёрная машина. В телефоне появляются сообщения. В моей машине кто-то распылил неизвестно что. И вы хотите, чтобы я спокойно слушал ваши недоговорённости?

Лавров посмотрел на него без раздражения. Даже с жалостью.

— Нет. Я хочу, чтобы ты понял: спокойствие закончилось до того, как ты вошёл в ту лавку.

В этот момент за окном, во дворе, хлопнула дверь автомобиля.

Все трое замерли.

Лавров выключил свет.

Комната погрузилась в темноту. Только с улицы через шторы просачивался бледный свет фонаря.

— Что происходит? — шёпотом спросила Софья.

— Ничего, — тихо сказал Лавров. — И это самое плохое.

Алексей подошёл к окну и осторожно отодвинул край занавески.

Во дворе стоял чёрный автомобиль.

Без опознавательных знаков.

Внутри сидели двое.

Один смотрел в телефон.

Другой — прямо на окно квартиры сорок семь.

Телефон Софьи, лежавший на столе, сам включился.

На экране появилась белая строка:

«ЭПИЗОД: КОНСУЛЬТАЦИЯ.

УЧАСТНИКИ: ВЕТРОВ, ЛАВРОВ, ГРОМОВА.

СТАТУС: НАБЛЮДЕНИЕ».

Лавров тихо выругался.

Алексей посмотрел на свою руку. Чёрный знак на пальце пульсировал — медленно, почти незаметно.

Как чужое сердце.

ГЛАВА 5. ЛАВКА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Чёрный автомобиль стоял во дворе ровно семь минут.

Алексей засёк время не потому, что надеялся этим что-то изменить. Просто цифры были понятнее страха. Пока на экране часов сменялись минуты, мир ещё подчинялся хотя бы одному привычному закону.

За шторами не происходило ничего.

Не открывались двери. Не хлопали автомобильные дверцы. Никто не звонил в домофон. Двое в салоне не выходили. Один склонился над телефоном. Второй по-прежнему смотрел на окно квартиры сорок семь.

Борис Лавров сидел в темноте за своим рабочим столом и держал в руках чашку с давно остывшим чаем. Софья стояла у стены, прижав телефон к груди. Белая надпись на экране погасла, но никто не пытался включить аппарат снова.

«ЭПИЗОД: КОНСУЛЬТАЦИЯ».

Слово не выходило из головы.

Алексей привык к консультациям. Люди приносили ему вещи и ждали ответа: настоящее или нет, старое или искусственно состаренное, ценное или дорогое. Чаще всего им нужен был не вывод, а разрешение верить в удобную версию. Они платили за уверенность, а не за правду.

Но кто-то, сидевший в машине во дворе, назвал консультацией их страх.

— Может, это не они, — прошептала Софья.

Лавров посмотрел на неё.

— Тогда кто?

— Не знаю. Соседи. Частная охрана. Люди, которые ждут кого-то в другом подъезде.

— Очень хорошая версия, — сказал Лавров. — Держитесь за неё. Она вам понадобится.

— Вы издеваетесь?

— Нет. Я завидую. Вам ещё доступна надежда на совпадение.

Алексей не отрывал глаз от щели между шторами.

— Они знают, что мы здесь.

— Они знали, что ты сюда приедешь, — ответил Лавров.

— Я сам выбрал этот адрес.

— Ты так считаешь.

Чёрная метка на пальце кольнула. Алексей сжал руку в кулак.

— Не начинайте.

— Что именно?

— Вот это. Будто любое моё решение уже не моё.

Лавров молчал.

Софья тихо сказала:

— Он прав.

— В чём? — спросил Алексей.

— В том, что вы сами выбрали приехать сюда. Я видела, как вы отказывались ехать туда, куда вам предлагали. Вы не обязаны сразу отдавать им каждую свою мысль.

Лавров усмехнулся в темноте.

— Разумеется. Лучший способ управлять человеком — убедить его, что он совершенно свободен. Самое приятное в этой системе то, что она не требует от вас покорности. Она требует только, чтобы вы были собой.

— А вы? — спросил Алексей. — Вы были собой, когда прятались здесь пять лет?

Вопрос прозвучал жёстче, чем он хотел.

Лавров поставил чашку на стол. Фарфор тихо стукнул о дерево.

— Я был трусом, Ветров. Не надо придавать этому философский смысл.
Снаружи хлопнула дверца машины.
Софья вздрогнула.

Алексей снова приблизился к окну. Из чёрного автомобиля вышел мужчина в тёмном пальто. Он раскрыл зонт, постоял несколько секунд, будто слушая дождь, а потом медленно пошёл к подъезду.

— Он идёт сюда, — сказал Алексей.

Лавров поднялся.

— Я вижу.

— У вас есть чёрный ход?

— Нет.

— Лестница на крышу?

— Я живу в обычном доме, а не в дешёвом боевике.

— Очень жаль. В дешёвых боевиках обычно больше выходов.

Софья подошла к двери комнаты.

— Если он поднимется, мы можем уйти по лестнице.

— Он знает, что мы на четвёртом, — сказал Лавров. — И, скорее всего, знает, куда мы побежим.

— Откуда?

— Потому что я сам бы знал.

Алексей повернулся к нему.

— Что вы делали для них?

Лавров не успел ответить.

Домофон ожил.

Резкий звонок раздался в тёмной квартире так громко, что Софья вскрикнула. Потом включилась связь, хотя трубку никто не поднимал.

— Борис Андреевич, — произнёс знакомый спокойный мужской голос. — Не осложняйте, пожалуйста, вечер.

Алексей почувствовал, как в груди сжалось всё сразу.

Этот голос он слышал в машине. Он говорил о дочери. Он произносил угрозы так, будто давал разумный совет.

Лавров медленно подошёл к домофону.

— Кто вы? — спросил Алексей.

— Человек, который предлагает вам не делать ошибку, — ответил голос.

— Назовите имя.

— Имена сейчас не помогут.

— Тогда зачем вы звоните?

— Чтобы вы поняли: мы не хотим причинить вам вреда. Мы хотим вернуть предмет, который не должен был попасть в чужие руки.

Алексей замер.

— Трубку?

— Вы очень быстро учитесь.

— У меня её нет.

— Да. И это проблема.

Лавров резко поднял голову.

— Что значит — нет? — спросил он.

— Она осталась в лавке.

— В какой лавке?

— В той, которой нет.

В домофоне тихо щёлкнуло, будто собеседник улыбнулся.

— Семён Львович не должен был передавать вам трубку, Алексей Сергеевич. Он нарушил порядок. Такие нарушения редко заканчиваются хорошо.

— Где он?

Пауза.

— Если вы хотите получить ответы, придите туда, где всё началось. Один.

— Я уже был там. Там стена.

— Значит, вам придётся вспомнить, как вы вошли.

Связь оборвалась.

В квартире стало тихо.

Лавров повернулся к Алексею.

— Ты не понимаешь, что произошло.

— Тогда объясните.

— Семён не мог сам передать трубку. Не имел права.

— Передать кому? Мне?

— Никому. Такие предметы не выбирают случайного человека. Их передают по цепочке, под наблюдением. Если он сделал это сам, значит, либо он бежит, либо его заставили.

— Что это за предметы?

— Не сейчас.

— Вы уже третий раз это говорите.

— Потому что сейчас у нас есть более срочная проблема.

Софья подошла к окну и осторожно выглянула.

— Машина уехала.

Алексей не поверил.

Он сам подошёл к шторе. Чёрного автомобиля во дворе не было. Дождь блестел на пустом асфальте. Под фонарём лежал размокший рекламный листок.

— Они просто ушли? — спросила Софья.

— Нет, — сказал Лавров. — Они дали нам направление.

— Туда, где была лавка, — произнёс Алексей.

— Туда, где её не было, — поправил Лавров.

Алексей почувствовал, как внутри растёт злость. Он устал от правил, которых ему никто не объяснял. От людей, которые знают больше. От сообщений, исчезающих с экрана. От того, что его дочь болеет, а он стоит в чужой квартире и обсуждает дверь в стене.

— Я поеду туда, — сказал он.

— Конечно, поедешь, — устало ответил Лавров. — Именно этого от тебя и хотят.

— А что вы предлагаете? Сидеть здесь и ждать следующего звонка?

— Я предлагаю сначала понять, что ты ищешь.

— Семёна.

— Нет. Ты ищешь человека, который объяснит тебе, что ты всё ещё управляешь своей жизнью.

Алексей шагнул к нему.

— И вы знаете такого человека?

Лавров посмотрел прямо на него.

— Нет. Если бы знал, давно был бы в другом месте.

Софья встала между ними не потому, что боялась драки. Скорее потому, что поняла: двум мужчинам сейчас нужно не решение, а повод сорваться.

— Мы не поедem туда втроем, — сказала она.

— Почему? — спросил Алексей.

— Потому что вам сказали прийти одному. Значит, они ждут, что вы либо подчинитесь, либо приведёте всех и дадите им повод назвать вас опасным.

— И что предлагаете?

— Разделиться.

Лавров покачал головой.

— Худшее, что можно сделать в ситуации, когда за тобой следят, — разделиться.

— А лучшее? — спросила Софья.

— Не попадать в такую ситуацию.

— Очень полезно. Запишите в учебник.

На этот раз Лавров почти улыбнулся.

— У вас есть характер. Это плохо для выживания, но хорошо для разговора.

Софья достала телефон. Экран всё ещё не включался.

— У вас есть компьютер?

— Есть. Но интернет отключён.

— Нам не нужен интернет. Нужна карта района и старые планы дома.

Лавров посмотрел на неё внимательно.

— Зачем?

— Если лавка появлялась там, где её не было, значит, либо Алексей ошибся, либо в здании есть помещение, которого нет на современных планах.

— Или кто-то умеет прятать двери, — сказал Алексей.

— Двери не прячутся сами, — ответила Софья. — Их прячут люди. Это гораздо менее романтично и гораздо полезнее.

Лавров прошёл к книжному шкафу, вынул толстую папку с потёртым корешком и положил на стол.

— Здесь копии дореволюционных планов квартала. Не спрашивайте, почему они у меня.

— Почему они у вас? — тут же спросил Алексей.

— Потому что ты по-прежнему не умеешь удержаться.

Они склонились над бумагами. Лавров включил маленькую лампу с зелёным абажуром, направив свет только на стол. Карты были старые, с выцветшими линиями, пометками карандашом и печатями давно не существующих учреждений.

Алексей быстро нашёл нужный переулок.

— Вот. Здесь.

На плане стояло длинное двухэтажное строение с внутренним двором. Рядом от руки была сделана пометка: «Доходный дом Л. В. Ланского. Подвальный ход к бывшему складу».

— Подвал, — сказала Софья.

— Дом горел, — напомнил Лавров. — После пожара нижние помещения засыпали и заложили.

— На современных планах есть подвал? — спросил Алексей.

Лавров достал другой лист.

— Нет. Здесь — технический коллектор. Его должны были перекрыть.

— Должны были? — переспросила Софья.

— Девушка, в старом городе слово «должны» обычно означает, что кто-то подписал бумагу и ушёл пить чай.

Алексей провёл пальцем по линии подземного хода.

Чёрная метка на руке отозвалась слабым жаром.

Он отдернул ладонь.

— Что? — спросила Софья.

— Ничего.

— Не начинайте.

— Знак реагирует.

Лавров наклонился ближе.

— На что?

— На план. На это место.

— Или на твоё желание туда поехать, — тихо сказал Лавров.

Алексей хотел огрызнуться, но сдержался. Это было справедливое замечание. Его раздражало именно то, что теперь каждое сильное желание приходилось проверять, как сомнительное клеймо на серебре.

— Мы должны проверить, — сказал он.

— Мы? — спросил Лавров.

— Вы знаете район. Софья умеет находить то, что спрятано в сети. Я видел лавку.

— И всё это вместе образует трёх человек, которых очень легко заманить в подвал, — заметил Лавров.

— Вы можете остаться.

— Могу. Но тогда ты придёшь туда без человека, который хотя бы примерно понимает, чего боится.

Софья посмотрела на обоих.

— Это согласие?

Лавров взял со стола старый фонарик, проверил батареи и сунул его в карман.

— Это возрастная ошибка. Не путайте с согласием.

* * *

Перед выходом Лавров заставил их поесть.

Алексей сначала решил, что ослышался.

— Что?

— Суп, — сказал Лавров. — В холодильнике. Вчерашний. Нормальный.

— За нами, возможно, следят.

— Тем более надо поесть. Голодный человек хуже думает, быстрее злится и слишком охотно верит в конец света.

— Вы серьёзно предлагаете ужинать?

— Я серьёзно предлагаю не падать в подземный ход в обмороке. Софья, вы едите суп?

— Если он не шевелится, — ответила она.

Лавров посмотрел на неё с уважением.

— Хороший критерий.

На кухне было тесно. На подоконнике стояли банки с кистями, у раковины сушились тарелки, а стол занимали папки, хлебница и старая радиолка, давно служившая подставкой для чайника. Лавров разлил суп по глубоким мискам. Обычный картофельный суп с курицей, слишком горячий и пахнущий укропом.

Алексей не чувствовал голода. Но после первой ложки понял, что с утра почти ничего не ел.

Софья держала ложку в руке и смотрела в миску.

— Игорь терпеть не мог укроп, — сказала она вдруг.

Лавров кивнул.

— У всех есть родственник, который терпеть не может укроп. Это один из немногих признаков, что человечество ещё не окончательно управляемо.

Софья улыбнулась. Впервые по-настоящему, хотя улыбка тут же исчезла.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда нервничаю.

Алексей поднял взгляд.

— Вы тоже?

— Разумеется. Просто в моём возрасте люди принимают нервозность за характер.

На несколько минут стало тихо. Дождь стучал по стеклу. В другой комнате мерно тикали часы. Алексей почувствовал странную, почти болезненную нормальность момента: трое незнакомцев едят суп на кухне старого реставратора, пока где-то за окнами существует система, которая знает их имена и называет их встречу эпизодом.

Ему захотелось запомнить эту минуту.

И тут же возникла мысль: «Не запоминай. Это неважно».

Мысль была чужой.

Алексей положил ложку.

— Нет, — сказал он.

Софья подняла глаза.

— Что?

— Ничего. Просто нет.

Лавров посмотрел на него долго и внимательно.

— Вот теперь, Ветров, ты начинаешь делать что-то полезное.

— Отказываться от мыслей?

— Замечать их.

* * *

Они вышли из квартиры через двадцать минут.

Во дворе не было чёрной машины. Не было и дворника, идущего с кофе, и людей с собаками, и случайных прохожих. Только дождь, фонари и мокрый асфальт.

Лавров нёс старый брезентовый рюкзак. Софья держала красный зонт. Алексей шёл между ними, чувствуя, как знак на пальце то холодеет, то снова начинает гореть.

У арки он остановился.

На кирпичной стене, где не должно было быть ничего, проступил прямоугольник двери.

Не нарисованный. Не подсвеченный. Просто влажные кирпичи вокруг него потемнели, а в центре обозначились контуры старой деревянной створки с латунной ручкой.

— Вы это видите? — спросил Алексей.

Софья молча кивнула.

Лавров закрыл глаза.

— Семён, — прошептал он. — Дурак старый.

Дверь медленно приоткрылась.

Из темноты за ней пахнуло воском, мокрой шерстью и горелым деревом.

Алексей сделал шаг вперёд.

Лавров схватил его за плечо.

— Запомни одну вещь, — сказал он. — Если там тебе предложат простой ответ, не соглашайся сразу.

— А если там будет Семён?

— Тогда тем более.

За дверью что-то сухо щёлкнуло.

Будто в невидимой чаше зажглась трубка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.